

Теория политики

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-1

Устойчивость государственных систем на постсоветском пространстве: контуры теоретической модели

Владимир Иванович ЯКУНИН

доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики, факультет политологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Москва, Российская Федерация
E-mail: gospolitika_msu@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0006-1252

Игорь Иванович КУЗНЕЦОВ

доктор политических наук, профессор, кафедра истории и теории политики, факультет политологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Москва, Российская Федерация
E-mail: politbum@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0274-8728

Максим Владимирович ВИЛИСОВ

кандидат политических наук, заместитель заведующего кафедрой государственной политики, факультет политологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Москва, Российская Федерация
E-mail: vilisov@centero.ru
ORCID: 0000-0002-6634-3829

ЦИТИРОВАНИЕ: Якунин В.И., Кузнецов И.И., Вилисов М.В. (2020) Устойчивость государственных систем на постсоветском пространстве: контуры теоретической модели // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 6–33. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-1

Статья поступила в редакцию 16.07.2020.

АННОТАЦИЯ. *Приближающаяся годовщина распада СССР дает возможность посмотреть на тенденции развития государственных систем, возникших на его осколках. Ретроспективный взгляд на этот процесс, получивший различные (иногда противоречи-*

вые) политические и экспертные оценки, ставит главный вопрос – о состоятельности и перспективах устойчивого развития стран бывшего СССР. Общее прошлое продолжает оказывать существенное влияние через советское наследие, что делает эти страны

сложным объектом для анализа и ставит вопросы к эффективности расширенных инструментов оценки устойчивости развития (индекс «хрупкости государств» FSI, индекс оценки качества государственного управления WGI, индекс глобальной конкурентоспособности GCI).

В статье проводится апробация применения модели стабильности и устойчивости государственных систем, разработанной ранее в соавторстве в рамках совместных исследований. Полученные оценки позволяют сформировать профиль некоторых стран и определить структурные дисбалансы развития их государственных систем с точки зрения устойчивости и стабильности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *стабильность, устойчивость, политический порядок, государственность, государственная состоятельность, государственная система*

Введение

Обращение к проблематике устойчивости государства всегда актуально. В одни времена это обусловлено закономерными сомнениями в верности имеющихся политических и управленческих стратегий (все ли делается правящими элитами из возможного спектра решений), в другие – озабоченностью ближайшим будущим государственных институтов, их способностью выдержать испытания вызовами социально-политической среды. В конечном итоге в социальных науках все еще дискутируется сама судьба государства как

основного актора политических процессов и есть те, кто ожидает его неизбежного распада и перерождения в нечто иное, но присутствуют и скептики, считающие столь же неизбежной позитивную эволюцию государства.

Именно поэтому обращение к вопросам устойчивости государственных систем постоянно имеет особое звучание: не только теоретические построения важны для обеспечения адекватной оценки состояния и прогноза развития конкретной страны, но и понимание складывающегося социально-экономического, политического и даже психологического контекста, который формирует спектр субъективных оценок состояний государственного организма, может давать эффект аберрации восприятия. Тем более что сложные многокомпонентные процессы (к которым вполне можно отнести социально-политическую динамику) зачастую могут быть представлены как исторические аналогии, творческие метафоры или образы.

23 августа 2019 г. более 130 тыс. жителей Гонконга в очередной раз вышли на улицы для участия в несанкционированной манифестации. На этот раз она была приурочена к 30-летней годовщине акции «Балтийский путь», которая прошла в этот день в тогда еще советских социалистических Латвийской, Литовской и Эстонской республиках и во многом положила начало их пути к выходу из состава СССР и последующему распаду Советского Союза, не дожившего один год до своего семидесятилетнего юбилея¹.

Подобные исторические параллели в самой КНР, отметившей в 2019 г. семидесятую годовщину со дня создания государства, естественным образом

¹ Коростиков М. (2019) От Гонконга до Риги одной цепью подать. Почему жители специального района Китая отметили акцией начало выхода Прибалтики из СССР // Коммерсантъ. 24 августа 2019 // <https://www.kommersant.ru/doc/4072122>, дата обращения 25.08.2020.

не приветствуются, однако вопрос об устойчивости даже самых стабильных политических порядков в современных условиях остается все столь же актуальным, как и во времена окончания холодной войны и неожиданного для всех распада СССР. Этот вопрос можно отнести к «вечным» как с позиции теории, так и с точки зрения политической практики государственного управления, особенно в современных условиях тестирования государственных систем вызовами пандемии и сопутствующего экономического кризиса, приобретающего черты глобального.

Свою специфику эти вопросы сохраняют и для постсоветских стран, которые продолжают быть сложным объектом для подобного рода исследований.

Целью настоящей статьи является выработка инструментария оценки устойчивости и стабильности постсоветских государственных систем, в т. ч. в контексте текущего кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Возможности оценки устойчивости и повышения функциональности современных государственных систем»² и опирается на полученные в ходе его реализации результаты, в т. ч. на понятийный аппарат, описывающий государственные системы, их устойчивость и стабильность [Вилисов, Телин, Филимонов 2020].

Решаемые исследовательские задачи: выявление специфики устойчивости и стабильности постсоветских государственных систем, апробация разработанной четырехпараметрической модели стабильности и устойчивости государственных систем [Вилисов, Телин, Филимонов 2020] и выработка адекватного практического инструментария для ее дальнейшего внедрения.

Новые государства в мире без государств

Почти тридцать лет, прошедших после распада СССР, настолько сильно изменили мир, что закономерно возникает вопрос о том, а существует ли некая общая постсоветская специфика для государств, некогда составлявших Советский Союз. Единства мнений здесь не существует, равно как и согласия относительно того, актуален ли сам термин «постсоветский» и одноименные исследования [Мельвиль 2020]. Это только повышает актуальность изучения результатов развития республик, ранее входивших в СССР, с точки зрения оценки перспектив их развития.

Наиболее популярной концептуальной рамкой исследования в 1990-е и начале 2000-х гг. была транзитологическая парадигма. Ее простота, идеологическая и аксиологическая наглядность позволяли многим исследователям оценивать шансы на последовательную демократизацию и интеграцию в либеральный западный мир новым независимым государствам, что порождало некоторые надежды местных элит. Кроме того, последние активно эксплуатировали тему эмансипации, обретения собственной политической идентичности и готовность активно следовать рецептам демократизации (как правило, в обмен на политическую поддержку, инвестиции и возможность просто быть принятыми на Западе). Критика этой парадигмы хорошо представлена в политической науке и нет необходимости здесь воспроизводить ее аргументы [Капустин 2001; Кузнецов 2000], хотя ее объяснительный потенциал все же остается достаточно высоким и в отношении стран бывшего Советского Союза, а также Центральной и Восточной

2 Научный проект 19-011-31433, реализованный при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ.

Европы (ЦВЕ) – в силу схожести одно- временно проведенных политических и экономических транзитов и большой роли «пактов» (в т. ч. неформальных) между старой (коммунистической) и новой (условно демократической) элитами, которые обеспечили относительно легкий переход из одного состояния в другое, который даже нельзя в полном смысле назвать революционным [Карл, Шмиттер 2004]. Кроме того, наблюдающийся сейчас «откат от демократии» в ряде стран ЦВЕ, одновременно с недостаточным уровнем демократичности большинства новых независимых государств (ННГ), возникших после распада СССР [Zselyke Csaky 2020], дает основания для определенных сравнений стран ЦВЕ и ННГ, при том что предмет настоящей статьи составляет изучение второй категории стран.

Также нельзя забывать еще одно обстоятельство: большинство ННГ действительно являются новыми государствами, поэтому оценка их стабильности и устойчивости может осуществляться в самом широком диапазоне, включающем как государственную несостоятельность (failed state), так и вопрос о признании государственности – постсоветское пространство является едва ли не лидером по количеству непризнанных республик и территориальных споров. Эти обстоятельства возвращают нас на концептуальный уровень осмысления, в т. ч. к таким концепциям, как «государственность» (statehood) и «государственная состоятельность» (stateness) [Ilyin, Khavenson, Meleshkina, Stukal, Zharikova 2012, pp. 17–18].

Такой подход представляется вполне оправданным, учитывая, что в условиях современной политической динамики государству приходится конкурировать с мощными игроками глобальной политики (транснациональные корпорации, международные ор-

ганизации, НКО, социальные сети и сформированные на их основе трансграничные группы влияния, экспертные сообщества и др.), поэтому даже элементарное поддержание целостности государственности страны становится иногда трудно решаемой задачей. Более того, в свое время распространились и набирали популярность теоретические представления об уходе государства с политической арены, которые, однако, в нынешнем контексте усиления национальных правительств в условиях пандемии выглядят все менее реалистичными [Хелд, Макгрю, Гольдблатт, Перратон 2004].

В то же время мы наблюдаем немало примеров дестабилизации государства и даже полной этатодеструкции в связи с совпадающей во времени внутренней политической динамикой, вызванной кризисом в социально-экономическом развитии, либо с «отложенными» этнополитическими и религиозными конфликтами, которые были спровоцированы внешними акторами: Югославия, Ирак, Ливия, Судан и т. д. Можно предположить, что такие процессы могли и могут активно повлиять и на развитие государств постсоветского политического пространства: имеющиеся внутренние противоречия в их функционировании легко могут быть усилены внешним воздействием, что повлечет за собой неизбежную негативную динамику на более широком региональном уровне.

События в мире, следовавшие после распада СССР, во многом были связаны с упадком левых идеологий, снижением влияния политических партий, ранее поддерживавшихся Советским Союзом, и ожиданием наступления «конца истории» (Ф. Фукуяма), который, как предполагалось, должен был сопровождаться миром и процветанием увеличивающихся количеством демократических наций в условиях либе-

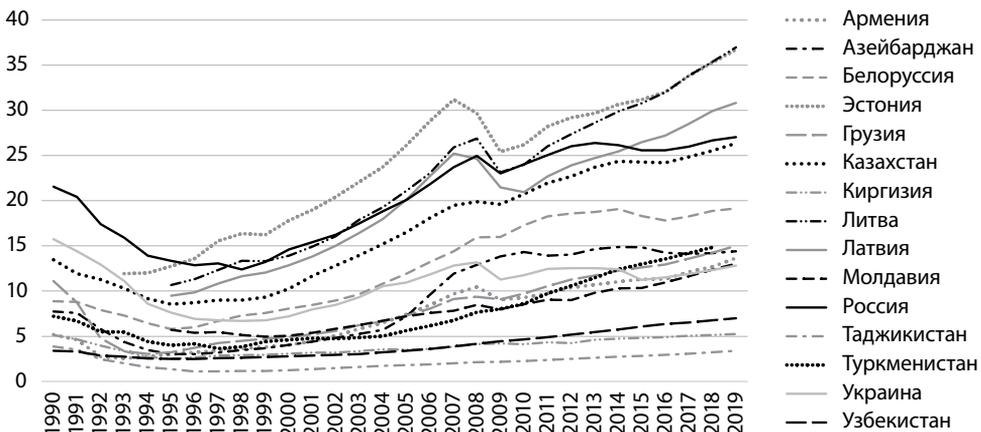
рального миропорядка. Однако наступивший «момент однополярности» не принес всеобщей безопасности и процветания. Скорее, наоборот, он поставил жесткие вопросы существующей системе международной безопасности, возродив противостояние на новом уровне – уже без идеологической составляющей, но зато с более выраженным элементом конкуренции за влияние и ресурсы в духе Realpolitik.

В таких условиях постсоветские республики и страны Восточной Европы столкнулись с целым рядом проблем: формированием новых политических структур и институтов представительной демократии, поиском новых союзников и обеспечением собственной безопасности в условиях новых угроз и вызовов, переориентацией экономики на новые рынки и встраиванием в новые производственные цепочки, преодолением внутренних конфликтов и сепаратистских настроений и т. д. Таким образом, развитие этих стран ста-

ло обеспечиваться на новом идейно-теоретическом уровне и все больше учитывало особенности сложившегося политического контекста. Кроме того, почти все эти государства столкнулись с тем, что политические мыслители называли «дилеммой одновременности», – переход к новому политическому состоянию был сопряжен с решением тройной задачи: переход от авторитарного политического режима к демократическому, трансформация социалистической плановой экономики в либеральную рыночную и перемещение от автаркичного социально-экономического существования к интеграции в мировую экономику и глобальную систему безопасности [Elster, Offe, Preuss 1998]. Отметим, что решение этих задач было тем сложнее, чем больше страна зависела от сложившейся социальной структуры и чем влиятельнее были политические элиты, связанные с предшествующим историческим периодом. Метафора Клауса Оффе о

Рисунок 1. Динамика ВВП стран бывшего СССР (на душу населения, по паритету покупательной способности, построено на основе данных Всемирного банка <https://databank.worldbank.org/home.aspx>)

Figure 1. Dynamics of GDP of the Former USSR Countries (Per Capita, by Parity Purchasing Power, Based on World Bank Data <https://databank.worldbank.org/home.aspx>)

построении нового государства и общества как «перестройке корабля в открытом море» в известной мере справедливо подчеркивает эти трудности – в некоторых случаях вопрос стоял даже не о стабильном развитии, а о выживании и тестировании государственной состоятельности «здесь и сейчас».

Результаты этого транзита имеют разные оценки и многократно описаны в литературе. Если взглянуть на основные политические итоги, то добиться строительства консолидированной демократии удалось только странам Балтии [Zselyke Csaky 2020], да и то во многом благодаря вступлению в ЕС [Ilyin, Khavenson, Meleshkina, Stukal, Zharikova 2012, p. 15].

Если оценивать успехи в сфере строительства рыночной экономики, то с точки зрения экономических свобод опять же лидируют страны Балтии, Грузия и Армения [Index of Economic Freedom 2020], а большинство ННГ (кроме стран Балтии) все еще имеют статус стран с переходной экономикой [Мировое экономическое положение и перспективы 2019]. С точки зрения динамики ВВП на душу населения лидируют, опять же, страны Балтии, следом за которыми следуют Россия и Казахстан.

Впрочем, эти результаты вряд ли можно назвать показательными, особенно с точки зрения оценки устойчивости и стабильности. В том числе потому, что мир менялся – за счет развития глобальной экономики, в которую

страны пытались встроиться, подчас радикально перестраивая собственные экономические системы: за счет сокращения секторов промышленности и аграрного производства, расширения сектора услуг и ориентации на экспорт (во многих случаях – сырьевой и энергетический), в основном за пределы постсоветского пространства [Вардомский 2012].

Результаты интеграции ННГ в глобальную экономику можно оценивать как по их ВВП, так и по их месту в производственных и финансово-логистических цепочках, а также по общему уровню конкурентоспособности.

Для оценки уровня интеграции в глобальную экономику вполне можно использовать Global Connectedness Index [DHL Global Connectedness Index 2018] (см. табл. 1).

Как видно, лидерами по интеграции в мировую экономику из изучаемой группы являются страны Балтии, наименее интегрированы в глобальную экономику оказались Белоруссия и страны Центральной Азии (за исключением Казахстана)³. Россия, Грузия, Украина, Казахстан, Армения, Азербайджан и Молдавия занимают промежуточное положение. При этом глубина вовлечения в мировую экономику⁴ у всех ННГ, кроме России и Казахстана, выше, чем их общая позиция в рейтинге, а широта связей⁵ ниже, чем общая позиция (с теми же исключениями в виде России и Казахстана). По-видимому, кроме собственно политических факторов (опре-

3 Рейтинг оценивает международные и национальные потоки торговли, капитала, информации и людей [DHL Global Connectedness Index 2018, p. 65].

4 Глубина оценивается как размер международных потоков по сравнению с национальным. Иными словами, глубина показывает, насколько значимы отношения в рамках глобальной экономики для конкретной национальной экономики [DHL Global Connectedness Index 2018, p. 65].

5 Широта показывает, насколько распределение потоков торговли, капитала, информации и людей конкретной страны с ее партнерами соответствует мировому распределению этих же потоков в обратном направлении (то есть, например, насколько страновой профиль поставок товаров и услуг данной страны соответствует страновому профилю спроса на эти товары и услуги). Иными словами, широта показывает, насколько широк у конкретной страны доступ к мировым рынкам и насколько адекватно ее предложение мировому спросу [DHL Global Connectedness Index 2018, p. 66].

Таблица 1. Оценка ННГ с позиций Global Connectedness Index
Table 1. Assessment of NIS from the Global Connectedness Index

Страна	Общая оценка	Глубина	Широта
Эстония	27	9	74
Литва	43	21	79
Латвия	44	18	87
Россия	54	118	25
Грузия	59	24	97
Украина	62	54	91
Казахстан	67	104	59
Азербайджан	75	52	104
Молдавия	80	38	115
Армения	82	64	108
Белоруссия	124	74	148
Киргизия	139	85	158
Таджикистан	159	115	163
Узбекистан	164	145	147
Туркменистан	–	–	–
Для сравнения			
Великобритания	9	80	1
США	30	120	2
Китай	61	150	16
Франция	15	67	10
Германия	10	30	11

деляющее влияние институциональной интеграции в рамках ЕС и НАТО и др.) весьма важную роль здесь играет географическое расположение и исторический опыт. Налицо эффекты «траектории предшествующего развития», которые способны так влиять на выбор вариантов решения, что определяющими аргументами здесь выступают те, которые и задают параметры «колеи» [Нурев, Латов 2009].

Если сравнить профили ННГ с профилями развитых стран (Великобритании, США, Китая, Франции, Германии), то можно отметить, то профиль России

(и в меньшей степени Казахстана) повторяет их профиль (уровень «широты» выше, а уровень «глубины» ниже общего уровня глобальной связности), хотя и со значительно меньшими показателями.

Если использовать «центр-периферийные» модели глобальной экономики, то можно отметить, что профиль глобальной связанности развитых стран представляет собой модель «центра», в то время как профиль большинства ННГ характеризует их отношение скорее к «периферии».

Зависимость от глобальной экономики и ограниченный доступ к миро-

вым рынкам создают разные политические предпосылки: для стран – членов ЕС он является стимулом к развитию политических институтов в соответствии с требованиями союза (чтобы получить гарантии доступа к глобальной экономике через институты ЕС), а вот для других ННГ это, скорее, является драйвером политического усиления с целью противостояния глобальным структурам и обеспечения собственного суверенитета, особенно над сырьем и природными ресурсами, которые стали основными продуктами ННГ, востребованными в глобальной экономике. Это не исключает, тем не менее, относительно успешного строительства отдельных институтов, необходимых для взаимодействия с внешними акторами в глобальной экономике и делающих эконо-

мики ННГ относительно конкурентоспособными (см. пример Азербайджана в табл. 2). Индекс глобальной конкурентоспособности [The Global Competitiveness Report 2017–2018; The Global Competitiveness Report 2019], применявшийся некоторыми ННГ даже в качестве ориентира государственных стратегий [Вилисов 2017, с. 46], показывает достаточно большой разброс потенциала конкурентоспособности, отмечая успех стран – членов ЕС и стран-энергоэкспортеров: две эффективные стратегии «встраивания» в глобальную экономику для ННГ.

Таким образом, если оценивать основные экономические показатели, то наиболее успешно развивающимися странами оказались экспортеры энергоресурсов, а также страны, вступившие в Евросоюз (по динамике ВВП и

Таблица 2. Место республик бывшего СССР в индексе глобальной конкурентоспособности (2017 и 2019 гг.)

Table 2. Place of the Former USSR Republics in the Global Competitiveness Index

Страна	GCI (2017)	GCI (2019)
Эстония	29	31
Азербайджан	35	58
Россия	38	43
Литва	41	39
Латвия	54	43
Казахстан	57	55
Грузия	67	74
Армения	73	69
Таджикистан	79	104
Украина	81	85
Молдавия	89	86
Киргизия	102	96
Белоруссия	–	
Туркменистан	–	
Узбекистан	–	

степени интеграции в глобальную экономику). Такая наглядная констатация может быть объяснена по-разному:

- как реальный рост, связанный с улучшением инвестиционного климата и развитием экономических институтов, повышением качества работы правовой системы и государственного управления (в случае балтийских республик, очевидно, в связи с постепенной интеграцией в ЕС и принятием соответствующих норм и регламентов, обеспечением внешнего контроля за функционированием государственного аппарата наряду с демократической подотчетностью);
- как экономическое развитие на основе имеющейся транспортной (в основном портовой и железнодорожной) инфраструктуры (созданной еще в рамках советской экономической модели) и использование естественного преимущества в виде доступа к морю и непосредственной близости к европейским государствам при относительно невысокой стоимости квалифицированной рабочей силы;
- как реализация стратегии встраивания в мировую экономику через использование преимуществ естественной, природной ренты (углеводородное сырье) с низкой долей переработки (с особым кейсом в виде Белоруссии, которая сама не обладает значимыми запасами природного сырья, но имеет мощные производственные комплексы, которые ведут переработку сырья и поставляют на экспорт качественные нефтепродукты – ОАО «Мозырский НПЗ» и ОАО «Нафтан»⁶).

В любом случае предлагаемая интерпретация экономической динамики должна учитывать еще и фактор «траектории предшествующего развития». Последняя сказывается не только на развитии политических и социальных институтов, но и в значительной степени определяет специализацию экономики, фиксирует ее пропорции и особенности эволюции, влияет на характер выстраивания политических отношений с соседями. Так, политический курс прибалтийских государств бывшего СССР может быть охарактеризован как «прагматичная русофобия» в той своей части, которая связана непосредственно с получением возможностей поддерживать инвестиции в транспортную инфраструктуру из государств ЕС и других стран и служить в качестве территории оперативного развертывания сил и средств НАТО в случае эскалации конфликта. Кроме того, такой идеологический вектор помогает политическим элитам балтийских республик получить возможности влиять на принятие решений в рамках единой европейской, «брюссельской» повестки дня (учитывая, что другие ресурсы влияния крайне незначительны (население, количество которого определяет «вес» при голосовании в европейских институтах) и имеют тенденцию к дальнейшему сокращению).

В то же время ННГ нельзя назвать стабильными, более того, некоторые из них относятся к категории «хрупких»: например, в соответствии с индексом «хрупкости» государств [Messner 2017; Fragile States Index 2019], основные показатели которого для стран бывшего СССР представлены в табл. 3.

6 По официальным данным, Беларусь ежегодно добывает около 1,645 млн т нефти, а перерабатывает (и, соответственно, продает и потребляет) 24 млн т нефтепродуктов. См.: Нефтехимическая отрасль // Беларусь. Факты // http://belarusfacts.by/ru/belarus/economy_business/key_economic/petrochem/, дата обращения 25.08.2020.

Данный индекс подтверждает позиции приверженцев «теории постсоветского транзита» лишь отчасти – хотя безоговорочными лидерами и являются демократические и рыночные страны – члены ЕС, дальнейшие результаты не позволяют установить скольконибудь устойчивой корреляции между «хрупкостью» и степенью демократичности или характером экономики той или иной страны. При этом часть стран с высокой глобальной конкурентоспособностью (Азербайджан, Грузия, Россия) оказывается внизу списка. Хотя расположение стран в этом рейтинге и остается непонятным до конца⁷, апел-

ляция к «хрупкости» и необходимости обеспечения национальной безопасности (от угроз, проистекающих от соседей, от России, или, напротив, от стран НАТО, или даже от внутренних угроз) остается в активной политической повестке и формирует предпосылки появления «режимов (государств) с чрезвычайными полномочиями», «государств национальной безопасности» [Джессон 2019, с. 404–415] практически во всех ННГ, становясь элементом нацие- и государствостроительства (что только усиливает их «хрупкость» вследствие идеологической слабости таких режимов и неумения обеспечить националь-

Таблица 3. Показатели индекса «хрупкости» республик бывшего СССР, 2017 и 2019 гг. (от менее «хрупких» к более «хрупким»)

Table 3. Indicators of the "Fragility" Index of the Former USSR Republics, 2017 and 2019 (from Less "Fragile" to More "Fragile")

Страна	FSI (2017)	FSI (2019)
Литва	41,7	38,1
Эстония	44,7	40,2
Латвия	46,4	43,9
Казахстан	65,9	61,6
Армения	71	66,7
Молдавия	72	67,1
Белоруссия	72,4	68,2
Украина	74	71,0
Туркменистан	74,4	71,4
Азербайджан	76,3	73,2
Грузия	76,5	72,0
Россия	79,2	74,7
Киргизия	80,3	76,2
Узбекистан	81,5	75,7
Таджикистан	81,8	77,7

7 Например, требует объяснений, почему такие страны, как Грузия, Украина, пережившие так называемые цветные революции («революция роз» 2003 г. и «оранжевая революция» 2004 г. с последующей «революцией достоинства» 2013–2014 гг.), оказываются в данном рейтинге выше России; то же самое можно сказать и о Белоруссии, где гражданские волнения протестующих против хода президентских выборов были позднее названы попыткой «васильковой» революции 2006 г.

но-народную сплоченность [Джессон 2019, с. 408–409]). Количество территориальных споров, «замороженных конфликтов» и непризнанных государств в регионе является косвенным подтверждением того, что дискурс о «государственности» (statehood) все еще остается актуальным для всего постсоветского пространства.

С экономической точки зрения реальным показателем «хрупкости» является уязвимость стран региона по отношению к внешним шокам. Последний показательный пример – последствия мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., которые больше всего ударили как раз по странам Балтии, а также Армении, Украине и России⁸, показывая цену высокой интеграции в глобальную экономику. Эти данные будет интересно сравнить с результатами падения экономики, вызванного текущим «пандемическим» кризисом, однако уже сейчас есть прогнозы, что падение ВВП России, в зависимости от динамики цен на нефть, существенно превысит общемировой уровень падения ВВП 5,5% [World Bank (2) 2020], при неблагоприятных сценариях – до 9,6% в 2020 г. [Доклад об экономике России № 43 2020, с. 13]. То есть, несмотря на относительные успехи по интеграции в глобальную экономику, «периферийное» положение ННГ в ней является угрозой стабильности, что хорошо показали результаты мирового финансового кризиса 2008 г. и, вероятнее всего, покажут результаты текущего кризиса.

Еще один важный момент, демонстрирующий влияние экономической конъюнктуры на стабильность государственной системы, – способность

правлящей элиты адекватно принимать решения, учитывая временной горизонт. Эта задача иногда может быть не по силам самым искушенным политикам, поскольку наметать экономическое развитие и готовиться к кризисному реагированию в плановой экономике сложно, дорого и не всегда может быть успешным. Но в случае серьезной зависимости от внешних рынков, когда приходится решать тяжелые вопросы курса национальной валюты и определяться с возможным набором решений здесь и сейчас, до перспектив дело может просто не дойти, либо (что, наверное, еще хуже) ограничиться символическими декларациями. Весьма точно этот процесс проанализировал известный российский экономист В.М.Полтерович [Полтерович 1999]. Он на примере постсоветской экономики обнаружил такую любопытную разновидность зависимости от предшествующего развития, как «институциональная ловушка». Такая ситуация возникает, когда среди путей развития существуют такие варианты, которые более выгодны в краткосрочном периоде. Но при этом они же в долгосрочном горизонте не просто менее эффективны, чем альтернативные, но делают дальнейшее развитие просто невозможным. Именно таков был, в частности, эффект от развития в постсоветской России бартерной экономики: она позволяла здесь и сейчас решать проблемы малоэффективных предприятий, однако делала невозможной сколько-нибудь решительную реструктуризацию производства.

Подводя итоги этой части исследования, можно сделать следующие выводы.

8 Падение ВВП отдельных ННГ в 2009-м относительно 2008 г.: Латвия – 17,7%, Литва и Украина – 14,8%, Эстония – 14,3%, Армения – 14,1%, Россия – 7,8%, при том что у некоторых ННГ рост ВВП был в положительной зоне и достигал 8–9% (Узбекистан и Азербайджан) [Вардомский 2012, с. 9].

Появление и становление ННГ происходило в эпоху динамичного развития глобальной экономики, в которую странам бывшего СССР пришлось встраиваться в формате «перестройки корабля в открытом море» (одновременное проведение экономических и политических реформ), что привело к закреплению их в «периферии» либо «полупериферии» (если учитывать позицию именно России как относительно крупной экономики, но не ставшей частью инновационно-воспроизводящего ядра в терминологии И. Валлерстайна) глобальной экономики. Возникло прямое институциональное подчинение более сильным политическим и/или экономическим игрокам или встраивание в «цепочки поставок» в качестве поставщиков сырья (при этом зачастую без твердых гарантий на продолжение сотрудничества).

Сам по себе периферийный капитализм ставит проблему сильного государственного вмешательства еще более остро, т. к. такое вмешательство признается благом для развития («девелопменталистские государства» по определению Б. Джессопа [Джессоп 2019, с. 414]). В постсоветском контексте экономическая «периферийность» ННГ дополнялась политическим ощущением несправедливости и «ревизионизмом» (в терминологии стратегии национальной безопасности США [National Security Strategy 2017, р. 25]), стремлением сохранить (или упрочить) суверенность государства в противостоянии глобальным политическим акторам: другим государствам, транснациональным корпорациям, приобретающим все больше экономической власти в условиях глобальной экономики [Ринген 2016, с. 34]. Для этого использовался широкий диапазон инструментов: от вступления в ЕС и НАТО (делегирование части суверенитета международным институтам для снижения

явной или мнимой угрозы собственной государственности и «политики многовекторности» (балансирование между несколькими центрами силы) до формирования собственного центра силы на основе консолидации военно-политических возможностей.

Это положение оказывало намного более сильное давление на государственность и требовало консолидации политической власти для противостояния внешним игрокам, вызывая к реализации концепцию «государства национальной безопасности».

В то время, как в других регионах мира (например, в Западной Европе) происходило ослабление (подчас сознательное) национального государства в угоду глобальным экономическим агентам, на пространстве бывшего СССР существовал запрос на сильное государство, и в конкуренции «дисфункциональной демократии» [Ринген 2016, с. 26–27] и авторитарного этатизма [Джессоп 2019, с. 412–426] побеждал последний. Однако являются ли такие «сильные государства» по-настоящему стабильными и устойчивыми?

Когда «государственность» побеждает «государственную состоятельность» (statehood takes over stateness)

Изначальное стремление в ходе постсоветского (посткоммунистического) транзита построить демократию (в понимании классической либеральной демократии) было основано на предположении о том, что этот политический режим создаст наилучшие условия для стабильного и устойчивого политического развития. Однако практически полное игнорирование актуального социально-экономического контекста и желание утвердить везде некий универсальный политический по-

рядок превратили это стремление в идеологическую доктрину и в некоторых случаях привели к прямо противоположным результатам, оставив без внимания в теоретическом плане саму природу функционирования государства в странах переходного типа.

В своей работе «Политический порядок в меняющихся обществах» С. Хантингтон писал: «Демократические страны и диктатуры отличаются друг от друга меньше, чем отличаются те страны, политическая жизнь которых характеризуется согласием, прочностью общественных связей, легитимностью, организованностью, эффективностью, стабильностью, от тех, где всего этого недостает» [Хантингтон 2004]. При этом С. Хантингтон относил Советский Союз, наряду с США и Великобританией, к «политическим системам высокой эффективности», в которых «правительство управляет», противопоставляя эти страны (независимо от их формы правления, демократической или диктаторской) модернизирующимся странам Азии, Африки и Латинской Америки, в которых вместо «нормальной» демократии существует «неработоспособная» (дисфункциональная) демократия [Ринген 2016, с. 26].

Таким образом, характеристиками политического порядка (в противоположность политическому упадку) у С. Хантингтона являются политическое согласие, прочность общественных связей, легитимность, организованность, стабильность, что в совокупности определяется как «степень управления (управляемости)» (degree of government). В свое время это позволило автору встать выше банального разделения государств по типам политического режима и увидеть больше общего между западными демократиями и Советским Союзом.

В более поздних работах проявилась интересная и небесспорная по-

пытка характеризовать глобальный политический процесс как сменяющие друг друга «волны демократизации». С. Хантингтон отмечает, что «если экономическое развитие делает демократию возможной, политическое руководство делает ее реальной» [Хантингтон 2003, с. 337–338]. По его мнению, чтобы «демократия появилась на свет, будущие политические элиты как минимум должны будут верить, что это наименее худшая форма правления для их обществ и для них самих. Они также должны будут обладать достаточным мастерством, чтобы осуществить переход к демократии... Демократия распространится в мире настолько, насколько те, кто пользуется властью во всем мире и в отдельных странах, захотят ее распространить» [Хантингтон 2003, с. 338]. Таким образом, подчеркивается необходимость естественного перехода к демократии вследствие преобразования самой государственной системы, в результате реакции на актуальные политические потребности, ее инструментальный характер, а не самоцель. В своей работе “Stateness first” Ф. Фукуяма показывает провалы строительства «авторитарного государствостроительства» (authoritarian state-building), предпринятого Соединенными Штатами в Ираке, и подчеркивает, что «до того, как получить демократию, нужно иметь государство» [Fukuyama 2005, pp. 84–85].

Современные теоретические исследования государства показывают его сложность и многомерность: реальная жизнь намного сложнее идеализированных (или идеологизированных) конструкций, в которых есть только демократические и недемократические государства. С точки зрения сравнительного анализа есть как минимум «сильные» и «слабые» государства [Ильин, Мелешкина, Мельвиль 2010; Фукуяма 2007]; для последних первич-

чен не вопрос строительства демократии, а вопрос выживания. Все это ставит значительно более широкий набор вопросов перед исследователями государственных систем.

Во-первых, в настоящее время существует кризис развития демократии не только в транзитных странах [Zselyke Csaky 2020], но и в классических (либеральных) демократиях – Великобритании и США [Ринген 2016, с. 13–14], который проявляется, в том числе, в форме предсказанного достаточно давно «авторитарного этатизма» [Джессоп 2019], являющегося производным от существующей глобальной экономической (капиталистической) системы.

Во-вторых, помимо специфики политического режима, государства могут быть классифицированы по множеству оснований и иметь разные аналитические рамки для исследования (например, Боб Джессоп определяет шесть подходов к анализу государства, среди которых только в рамках одного дискурса «демократия – диктатура» имеет значение [Джессоп 2019, с. 39]).

Битва ННГ за собственную государственность (statehood), за сохранение суверенитета переводит фокус внимания с актуальной повестки, отвечающей за государственную состоятельность (stateness). «Государственность» побеждает «государственную состоятельность» (statehood takes over state-ness), что проявляется в формате «государства национальной безопасности». Это особый тип государственной системы, которая обеспечивает консолидацию власти в секторе исполнительной ветви, в т. ч. за счет использования институтов «глубинного государства» и прочих неформальных институтов, снижения демократической подотчетности, деградации партийной системы. Именно это делает такие государства «хрупкими», т. к. государственная политика формируется не в парадигме

обеспечения государственной состоятельности и вовлечения всех значимых политических групп в процесс ее формирования и реализации, а в парадигме обеспечения государственности, в основном за счет транслирования ее «сверху вниз», от акторов, обладающих реальной политической властью в настоящий момент времени, – остальным агентам государственной системы, в т. ч. по причине страха разделить эту власть с внешними и внутренними врагами [Джессоп 2019, с. 414]. Принципиальным отличием этого типа можно признать именно стремление сохранить государственность, а не политический режим как таковой – эта тенденция роста национализма отмечена и в восточно-европейских странах [Zselyke Csaky 2020], где разворот от демократии осуществляется именно в целях упрочения государственности.

Справедливости ради надо отметить, что такой тип государственной системы не является отличительной чертой постсоветского этапа как исторического периода и ННГ как государств. Напротив, его изучение происходило в основном в западном контексте, применительно к США [Hogan 1998], и даже шире – к сообществу западных государств, которые Мартин Шоу называет «западным государством-конгломератом», в рамках которого, по мнению Олы Тунандер, функционирует «американский рейх», разделивший западное государство на две части: собственно демократическое и публичное национальное государство и скрытое транснациональное «государство безопасности», способное накладывать вето на решения национальных правительств в целях обеспечения безопасности (цит. по: [Джессоп 2019, с. 414–415]). Действие этого механизма можно было наблюдать, например, в процессе введения странами ЕС анти-российских санкций после присоеди-

ния Крыма. Очевидно, что на фоне разворачивающейся пандемии и принимаемых для противодействия чрезвычайных мер переход к «государству национальной безопасности» также возможен даже в демократических государствах, особенно на фоне обострившейся конкуренции между ними.

Применение концепции «государства национальной безопасности» к ННГ позволяет прояснить некоторые особенности их эволюции.

Во-первых, возникает логичное основание авторитарным тенденциям в ряде стран (особенно успешных энергоэкспортерах – они являются стремлением консолидировать власть для поддержания суверенитета в глобальной конкуренции), т. е. проявление авторитарного этатизма, необходимого для деволюционалистского государства. Успех развития демократии в странах Балтии можно объяснить скорее жесткими требованиями внешних акторов (ЕС), ставшими важными игроками государственных систем этих стран, чем зрелостью имеющих национальных политических систем.

Во-вторых, появляется объяснение развитости механизмов неформального управления, выражающихся в явлениях неопатримониализма, причем принципиально разного характера, среди которых особняком стоит «рациональный неопатримониализм», сочетающий персоналистский тип правления с развитой бюрократией [Erdman, Engel 2007], что дает возможность обеспечивать достаточно высокий уровень развития отдельным институтам, обеспечивая необходимую гибкость в политической сфере и сохраняя пространство для неформального управления и действий «глубинного государства».

В-третьих (что производно от предыдущего утверждения), есть версия подтверждения достаточно высоких мест в рейтинге глобальной конкурен-

тоспособности, а также в рейтинге легкости ведения бизнеса. Даже у стран с авторитарными режимами (Казахстан, Россия и Азербайджан уверенно держатся в верхней части списка наравне с Грузией и странами Балтии) [World Bank (1) 2020, p. 4] привлечение иностранных инвесторов под строгим контролем государства является инструментом повышения собственной конкурентоспособности. Конечно, модели взаимодействия с иностранными инвесторами в стратегических отраслях (добыча и экспорт углеводородов) могут существенно отличаться по странам в зависимости от конфигурации внешне- и внутривнутриполитических факторов [Luong, Weinthal 2001], но «прикладной» и подчиненный характер институционального развития по отношению к государственному контролю оказывается очевидным.

В-четвертых, появляется оправдание развитости энергетического экспорта и экономики рентного типа, в т. ч. в странах, не обладающих запасами углеводородов, но пытающихся извлекать ренту из собственного транзитного положения при экспорте углеводородов (страны Балтии, Украина, Белоруссия, Россия – в отношении транспортировки центральноазиатских энергоресурсов). Развитость рентной экономики является производной от периферийного положения в глобальной экономике, а попытка извлекать транзитную ренту обусловлена инфраструктурным наследием Советского Союза, в котором инфраструктура на его территории была общей и не предусматривала ее коммерческого использования при разделении между советскими республиками. Оказавшись в жестких тисках рентной экономики глобальной периферии, постсоветские страны оказались неспособными на первоначальном этапе инвестировать в реконструкцию имеющейся или в раз-

витие новой инфраструктуры, поэтому транзитные споры («газовые войны») стали особенно острыми, и потоку секьюритизация поставок собственных энергоресурсов (или секьюритизация собственной транзитной ренты) стала приоритетом для государственных систем «национальной безопасности». Впрочем, возможности у ННГ, даже, казалось бы, таких влиятельных, как Россия, здесь также ограничены – именно в силу «периферийного» положения в мировой экономике (невозможность влиять на цены на энергоресурсы) [Konoplyanik 2013] и невозможности формировать мировую повестку в части развития (угрозы «энергетического перехода» и потери рынков энергетического сбыта) [Mitrova, Melnikov 2019; Overland, Bazilian, Uulu, Vakulchuk, Westphal 2019].

В-пятых (и это, пожалуй, самое главное для темы настоящего исследования), – подчиненность управленческой эффективности, отражающей государственную состоятельность, повестке национальной безопасности и сохранения государственности. Именно это свойство постсоветских государственных систем делает их наиболее «хрупкими». Индикаторы качества государственного управления от Всемирного банка [Worldwide Governance Indicators] стабильно фиксировали весьма средние в мировом плане значения для постсоветских государственных систем. При всех недостатках этой системы оценивания она фиксирует ряд проблем, существенно влияющих на способность государства эффективно выполнять свои функции (например, качество государственного регулирования, коррупция, подотчетность органов государственного управления и проч.), которые зачастую остаются на периферии политической повестки по разным причинам, в т. ч. по причине их неясности (качество регулирования)

и/или политизации (антикоррупционный дискурс).

В этом контексте актуальность разработанной модели стабильности и устойчивости государственных систем не вызывает сомнений, т. к. она сфокусирована как раз в первую очередь на оценку государственной состоятельности, – говоря словами Ф. Фукуямы, *Stateness first*.

Оценки устойчивости и стабильности постсоветских государственных систем

Как отмечено выше, в ходе совместного исследования коллективом авторов была разработана модель стабильности и устойчивости государственных систем, описанная в соответствующей публикации [Вилисов, Телин, Филимонов 2020], основные параметры которой имеет смысл повторить здесь, чтобы продолжить начатое исследование.

Под государственной системой (ГС) в общем виде в проведенном исследовании понимался комплекс постоянно взаимодействующих политических, государственных и социальных институтов, формального и неформального характера, объединяющий интересы всех участников политического процесса [Вилисов, Телин, Филимонов 2020, с. 10]. Устойчивость ГС понималась как функциональность, т. е. способность осуществлять присущие государству функции [Вилисов, Телин, Филимонов 2020, с. 11], что в этом смысле делает устойчивость практически синонимом «государственной состоятельности». Стабильность в МСУГС рассматривалась как способность ГС устойчиво функционировать при изменении обстоятельств и кризисе, самостоятельно находить новую точку равновесия [Вилисов, Телин, Филимонов 2020, с. 12].

МСУГС содержит функциональный и консолидационный компоненты, которые фактически соответствуют предложенным понятиям устойчивости и стабильности соответственно, а также деспотическое и инфраструктурное измерения (заимствованные из теории М. Манна [Mann 1984]), которые характеризуют соответственно возможности ГС «продавливать» решения «сверху вниз» и «договариваться» с другими политическими и общественными акторами. В итоге МСУГС содержит четыре параметра [Вилисов, Телин, Филимонов 2020, с. 14–17]:

- функционально-деспотический, фактически отвечающий за результативность ГС;

- функционально-инфраструктурный, оценивающий степень достижения «общего блага»;
- консолидационно-деспотический, оценивающий степень легитимности ГС;
- консолидационно-инфраструктурный, оценивающий уровень «гражданственности» или «политической веры» участников.

В предыдущей публикации [Вилисов, Телин, Филимонов 2020, с. 18] было предложено описать каждый из параметров через субиндексы двух международных систем оценки: индекс Всемирного банка WGI и индекс Глобальной конкурентоспособности (GCI) (см. табл. 4).

Таблица 4. Описание МСУГС через отдельные параметры имеющихся международных индексов

Table 4. Description of IPSAS through Separate Parameters of Available International Standards Indexes

	Субиндексы WGI	Субиндексы GCI
Функционально-деспотический параметр	Эффективность управления (Government Effectiveness (GE))	1.08 Расточительность (эффективность) государственных расходов (Wastefulness (Efficiency) of Government Spending)
Функционально-инфраструктурный параметр	Качество регулирования (Regulatory Quality (RQ))	1.09 Регуляторная нагрузка (Burden of Government Regulation); 1.10 Эффективность правовых механизмов разрешения споров (Efficiency of legal frameworks in setting disputes); 1.11 Эффективность правовых механизмов оспаривания регуляторных решений (Efficiency of legal frameworks in challenging regulations)
Консолидационно-деспотический параметр	Голос и подотчетность (Voice and Accountability); Политическая стабильность и отсутствие насилия (Political Stability and Absence of Violence)	1.04 Доверие политикам (Public trust in politicians); 1.12 Открытость формирования государственной политики (Transparency of public policy-making)
Консолидационно-инфраструктурный параметр	Законность (Rule of Law (RL)); Контроль коррупции (Control of Corruption (CC))	1.03 Нецелевое использование государственных средств (Diversion of public funds); 1.05 Взятки и поборы (Irregular payments and bribes); 1.14 Криминальные издержки бизнеса (Business costs of crime and violence); 1.15 Организованная преступность (Organized crime); 1.16 Доверие полиции (Reliability of police services)

Концептуально предлагаемый подход не является принципиально новым и внешне похож, например, на индекс «качества функционирования государства», предложенный И.М. Локшиным [Локшин 2011]. Сходство заключается в попытке использовать имеющиеся инструменты оценки государственного управления для описания специфического свойства (способности) государства или государственной системы. При этом важно отметить, что многие параметры, использованные для описания в обеих концепциях, совпадают (GE, RL, RQ и CC присутствуют как у И.М. Локшина, так и в описываемой модели).

Различие же заключается в теоретическом подходе: в отличие от количественного подхода (иерархический кластерный анализ), использованного Локшиным, в основу МСУГС положены «мягкие», теоретические модели, которые требуют проверки на практике. Такая проверка возможна, например, на основе сравнения агрегированного показателя устойчивости государственной системы – если результаты этой проверки будут соответствовать неким другим эмпирическим данным и оценкам устойчивости соответствующим

политических порядков, то можно будет предположить применимость предлагаемого подхода, пусть даже при условии совершенствования применяемого для оценки аппарата (вплоть до выработки новых параметров). В то же время важное значение в МСУГС имеет именно разделение на элементы и баланс между ними, который дает больше возможностей для интерпретации устойчивости и стабильности, чем просто индекс FSI.

Как будет выглядеть набор расчетных параметров для России в 2017 г., например, представлено в табл. 5.

Усреднив значения субиндексов одной размерности по каждому параметру⁹, приведя шкалы разных субиндексов к единым значениям¹⁰ и усреднив приведенные значения по каждому параметру¹¹, получаем следующую картину для четырех постсоветских стран (табл. 6, рис. 2).

В российском профиле наиболее развитым оказался ФД-параметр, отвечающий за результативность ГС и характеризующий управленческое воздействие «сверху вниз». ФИ-параметр, характеризующий степень горизонтальных отношений по выработке понимания и достижению «общего бла-

Таблица 5. Набор расчетных параметров для России в 2017 г.
Table 5. Set of Calculated Parameters for Russia in 2017

	Субиндексы WGI	Значения	Субиндексы GCI	Значения
ФД	GE	-0,08	1.08	3,4
ФИ	RQ	-0,48	1.09; 1.10; 1.11	3,3; 3,6; 3,1
КД	VA; PSAV	-1,09; -0,7	1.04; 1.12	3,4; 4,0
КИ	RL; CC	-0,8; -0,89	1.03; 1.05; 1.14; 1.15; 1.16	3,2; 3,8; 4,5; 4,5; 3,8

9 Путем расчета среднего арифметического по однородным значениям одного параметра.

10 Шкала WGI находится в диапазоне от -2,5 до +2,5, шкала GCI – в диапазоне от 0 до 7. Значения шкалы WGI увеличиваются на 2,5 для перевода их в положительные и умножаются на 7, значения шкалы GCI умножаются на 5, в итоге получается единая шкала от 0 до 35.

11 Среднее арифметическое.

Таблица 6. Параметры МСУГС для рассматриваемых стран, 2017 г.
Table 6. IPSAS Parameters for the Countries under Review, 2017

Параметр	Значения			
	Россия	Украина	Казахстан	Азербайджан
ФД	16,97	13,14	17,035	19,94
ФИ	15,4033333	14,7133333	18,1783333	19,2083333
КД	14,8675	15,3175	17,0975	16,37
КИ	15,6925	14,81	17,315	18,06

га», развит меньше, что создает перекокс в обеспечении устойчивости государственной системы. Суммарные оценки КД- и КИ-параметров, отвечающих за стабильность ГС, оказываются ниже суммарных оценок ФД- и ФИ-параметров, отвечающих за устойчивость, что означает более высокую уязвимость стабильности, т. е. меньшую готовность оперативно реагировать в условиях кризисов и достигать новой точки

баланса. В совокупности этот профиль можно оценить как характеризующий «хрупкость» российской ГС перед лицом стратегических вызовов.

Этот профиль, конечно же, имеет свои объяснения.

Во-первых, соотношение высокого ФД- и низкого КД-параметров показывает гипертрофию «силового» компонента в «вертикали власти» (возможность краткосрочного достижения ре-

Рисунок 2. Сравнение профилей МСУГС для России, Украины, Казахстана и Азербайджана

Figure 2. Comparison of IPSAS Profiles for Russia, Ukraine, Kazakhstan and Azerbaijan

зультата за счет мобилизации и относительно низкий авторитет ГС за счет избытка элемента принуждения). Такая ситуация скорее типична для России: сравнительно большой объем силовых структур обусловлен протяженностью границ, недоосвоенностью и сложностью части территории, что усиливается новой фазой геополитического противостояния, делая доминирование повестки «национальной безопасности» объективным.

Во-вторых, он показывает недостаточное обеспечение участия общественности в принятии политических решений, слабость (разобщенность или локальность) структур гражданского общества, приоритет бюрократических методов управления над консоциативными при наличии достаточно высокого запроса от общества (относительно высокий уровень КИ-параметра).

В-третьих, он может показывать роль «траектории предшествующего развития»: метрополия аффирмативной империи, которая обеспечивает баланс защиты национальных интересов и процветания «окраин» одновременно, не может обеспечить баланс этих интересов и вынуждена действовать через принуждение.

У **Украины** явно видно преобладание КД-параметра (государство авторитетно, легитимно и обладает правами принуждения), при явной нехватке ФД-параметра (в этом смысле профиль прямо противоположен профилю России). Высокое значение КД-параметра может отражать специфику нации и государственностроительства в современной Украине (рост гражданского самосознания и формирования гражданской идентичности на фоне противопоставления России). В целом профиль показывает низкий уровень устойчивости при относительно более высоком уровне стабильности (это может отражать как верность выбранного стратегиче-

ского курса, который приведет к укреплению устойчивости в перспективе, так и просто провалы в текущем государственном управлении), при этом абсолютные показатели ниже российских.

Формирование новой национально-государственной идентичности Украины осуществляется на отрицании советского опыта и коммунистической идеологии (прямой запрет Коммунистической партии Украины и жесткий контроль всех инициатив в левой части политического спектра). Кроме того, усилиями Института национальной памяти и других идеологических структур период между Первой и Второй мировыми войнами репрезентируется как становление новой, независимой Украины, активно сопротивляющейся советизации. Этой же задаче подчинена целенаправленная работа по формированию нового пантеона героев и выработке новых практик коммеморации (наиболее одиозные примеры здесь связаны с ревизией истории голода 1930-х гг. – так называемого голодомора, событий Великой Отечественной войны и последующей борьбы «лесных братьев»).

У **Казахстана** все показатели выше, чем у России и Украины, но есть своя девиация в сторону функционально-инфраструктурного параметра, т. е. в сторону общественного (функционального) представительства и достижения общественного блага. Это требует осмысления, однако, возможно, формирует специфику казахстанской модели устойчивости и стабильности. Возможно, стоит обратить внимание на эволюцию партийной системы Казахстана, которая лишь отчасти выполняет представительские функции, или на неформальную структуру управления, сложившуюся на основе культурно-этнической специфики.

У **Азербайджана** преобладание функционально-деспотического и функционально-инфраструктурного

компонентов при «проседании» консолидационно-деспотического: государственная система способна «продавливать» свои решения и делает это в целом в интересах общего блага и с представительством интересов, однако системе не хватает признания (авторитетности и легитимности), хотя его уровень выше, чем у Украины и России.

По результатам сравнения четырех стран получается, что Азербайджан и Казахстан имеют как наибольшие абсолютные значения, так и покрывают наибольшую площадь четырехугольника, что может означать более высокий уровень стабильности и устойчивости. У Украины наименьшая площадь, что может означать наименьший уровень устойчивости и стабильности.

При этом важно отметить, что полученные данные не совпадают с данными индекса «хрупкости» государств: например, Азербайджан в нем находится на достаточно низких позициях. Таким образом, требуется дальнейшая верификация инструментов оценки.

Рассмотрение политических трансформаций постсоветских республик вызывает значительные сложности в подборе адекватных параметров сравнения. Это касается анализа политических институтов и их изменений, а также механизмов формирования политических элит и принятия решений. Немалое значение имеет также определение возможностей общества влиять на политические процессы, контролировать государственную власть и выступать адекватной частью социально-политической системы. Но, поскольку на пространстве бывшего Советского Союза сложились весьма разные политические системы независимых республик (от конкурентного парламентаризма и умеренного авторитаризма до неопатримониальных, квазимонархических систем), требуется более тонкий инструментарий, позволяющий про-

водить более корректные сравнения и диагностировать их функциональность и способность развиваться. Более того, возникает запрос на дальнейшее углубление в изучение специфики постсоветских государственных систем, а именно особенностей их функционирования в формальном и неформальном измерении, во взаимодействии между уровнями иерархии государственного аппарата и в сетевом взаимодействии различных участников политического процесса, чтобы лучше оценить «управляемость» этих систем, понимаемую как свойство ГС адекватно реагировать на внешние и внутренние сигналы как на оперативном, так и на стратегическом уровнях формирования государственной политики, обеспечивая при этом должный уровень внутренней согласованности.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что, несмотря на существенные различия векторов постсоветского развития, ННГ имеют общие характеристики, влияющие на оценку их устойчивости и стабильности, а также на перспективы их развития.

Сформированные на осколках СССР, они продолжают быть в значительной степени зависимыми от экономического наследия, созданного еще в советское время, которое с разной степенью успеха они пытаются использовать для интеграции в глобальную экономику и вокруг которой между ними возникают существенные споры. Извлечение этой ренты из советского наследия, равно как и нахождение на периферии глобальной экономики (по сути, формирующие «заколдованный круг» для развития и генерирующие высокие риски при возникновении глобальных кризисов), генериру-

ют запрос на сильное «девелопменталистское государство», которое в условиях внешних вызовов трансформируется в «государство национальной безопасности», стремящееся консолидировать власть для защиты от сильных внешних игроков. Степень его силы и эффективности зависит от исторического наследия и традиций, а также ресурсной обеспеченности.

Это приводит к тому, что задача сохранения собственной государственности подчиняет себе задачу обеспечения государственной состоятельности, что, в свою очередь, формирует основу «хрупкости» ННГ. Данное явление пока не нашло адекватного отражения в международных системах оценки устойчивости и стабильности государственных систем и эффективности государственного управления. Иначе говоря, существует ярко выраженный вектор на сохранение и воспроизводство собственной государственности в исторической перспективе, который доминирует у правящих элит. Можно предположить, что его заметность – прямое следствие понимания угроз государственности в элитах, возможно, отчасти связанное с фактором России, способной активно влиять на политическое пространство в постсоветской Евразии. Кроме того, пока все ННГ (кроме России) не продемонстрировали эффективного решения проблемы смены поколений элиты: до сих пор основу правящего класса составляли выходцы из социальной среды Советского Союза либо диссиденты. Но в ближайшее время будут все более мощно заявлять о себе первое и последующие постсоветские поколения политиков в этих странах.

Понятийный аппарат, сформированный в ранее сделанной в рамках общего исследовательского проекта публикации, описывающий государственную систему, ее устойчивость и ста-

бильность, а также разработанная четырехпараметрическая модель стабильности и устойчивости государственных систем дают возможность обнаружить причины «хрупкости» в дисбалансе деспотического и инфраструктурного параметров, а также в дефицитах функциональной и консолидационной составляющих государственных систем ННГ.

Проведенные расчеты МСУГС для четырех постсоветских стран с использованием данных имеющихся рейтингов WGI и GCI показывают как достаточный объяснительный потенциал разработанной модели, так и дефицит данных для оценки, требующий формирования собственного оценочного инструментария.

Список литературы

Вардомский Л.Б. (ред.) (2012) Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития. М.: Институт экономики РАН.

Вилисов М.В. (2017) Политические стратегии Белоруссии, Казахстана и России: проблемы формирования и практической реализации // Политическая наука. Специальный выпуск. С. 41–62 // <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-strategii-belorussii-kazahstana-i-rossii-problemy-formirovaniya-i-prakticheskoy-realizatsii/viewer>, дата обращения 25.08.2020.

Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г. (2020) От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // Политика. № 1(96). С. 7–27. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27

Джегсон Б. (2019) Государство: прошлое, настоящее и будущее. М.: Дело.

Доклад об экономике России № 43. Россия: рецессия и рост во вре-

мя пандемии (2020) // Всемирный банк // <http://pubdocs.worldbank.org/en/483351593984893149/RUS-RER43-July5.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Ильин М.В. (2008) Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. № 4. С. 7–33 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15120820_42454659.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. (2010) Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // ПОЛИС. № 3. С. 26–39 // http://old.politstudies.ru/fulltext/free-access/2010/3/Plyin,Meleshkina,Melville_3_10.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Капустин Б.Г. (2001) Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // ПОЛИС. № 4. С. 6–26 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078487_59115426.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Карл Т.Л., Шмиттер Ф. (2004) Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // ПОЛИС. № 4. С. 6–27. DOI: 10.17976/jpps/2004.04.02

Кузнецов И.И. (2000) Парадигма транзитологии (Плюсы и минусы объяснительной концепции переходного периода) // Общественные науки и современность. № 5. С. 46–51 // <http://ecsocman.hse.ru/data/103/352/1216/005kUZNECOW.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Локшин И.М. (2011) Политические режимы и качество функционирования государства: анализ взаимосвязи // Полития. № 4. С. 74–92. DOI: 10.30570/2078-5089-2011-63-4-74-92

Мельвиль А.Ю. (2020) Выйти из «гетто»: о вкладе постсоветских иссле-

дований/Russian Studies в современную политическую науку // ПОЛИС. № 1. С. 22–43. DOI: 10.17976/jpps/2020.01.03

Мировое экономическое положение и перспективы, 2019 год: Краткое резюме (2019) // ООН // <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/2019/70>, дата обращения 25.08.2020.

Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2009) Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: РГУ им. И. Канта.

Полтерович В.М. (1999) Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. Т. 35. № 2. С. 3–19 // http://mathecon.cemi.rssi.ru/vm_polterovich/files/ep99001.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Ринген С. (2016) Народ дьяволов: демократические лидеры и проблемы повиновения. М.: Дело.

Фукуяма Ф. (2007) Америка на распутье. М.: АСТ.

Хантингтон С. (2003) Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН.

Хантингтон С. (2004) Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция.

Хелд Д., Макгрю Э., Гольдблатт Д., Перратон Дж. (2004) Глобальные преобразования: политика, экономика, культура. М.: Праксис.

DHL Global Connectedness Index 2018 (2018) // DHL, December 4, 2019 // <https://www.dhl.com/global-en/home/insights-and-innovation/thought-leadership/case-studies/global-connectedness-index.html>, дата обращения 25.08.2020.

Elster J., Offe C., Preuss U. (1998) Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea, Cambridge: Cambridge University Press.

Erdman G., Engel U. (2007) Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Con-

cept // *Commonwealth & Comparative Politics*, vol. 45, no 1, pp. 95–119. DOI: 10.1080/14662040601135813

Fragile States Index 2019 (2019) // *Fund for Peace*, April 10, 2019 // <https://fundforpeace.org/2019/04/10/fragile-states-index-2019/>, дата обращения 25.08.2020.

Fukuyama F. (2005) “Stateness” First // *Journal of Democracy*, vol. 16, no 1, pp. 84–88. DOI: 10.1353/jod.2005.0006

Hogan M.J. (1998) *A Cross of Iron. Harry S. Truman and the Origins of the National Security State 1945–1954*, Cambridge: Cambridge University Press.

Ilyin M., Khavenson T., Meleshkina E., Stukal D., Zharikova E. (2012) *Factors of Post-Socialist Stateness*. National Research University Higher School of Economics, Working paper WP BRP 03/PS/2012 // <https://publications.hse.ru/en/preprints/58953142>, дата обращения 25.08.2020.

Index of Economic Freedom 2020 (2020) // *Heritage Foundation* // <https://www.heritage.org/index/ranking>, дата обращения 25.08.2020.

Konoplyanik A.A. (2013) *Global Oil Market Developments and Their Consequences for Russia* // *The Handbook of Global Energy Policy* (ed. Goldthau A.), Chichester, UK: Wiley, pp. 477–500. DOI: 10.1002/9781118326275.ch28

Luong P.J., Weinthal E. (2001) *Prelude to the Resource Curse. Explaining Oil and Gas Development Strategies in the Soviet Successor States and Beyond* // *Comparative Political Studies*, vol. 34, no 4, pp. 367–399. DOI: 10.1177/0010414001034004002

Mann M. (1984) *The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results* // *European Journal of Sociology/Archives Européennes de Sociologie*, vol. 25, no 2, pp. 185–213. DOI: 10.1017/S0003975600004239

Messner J.J. (2017) *Fragile States Index 2017* // *Fund for Peace*, May 14, 2017 // <https://fundforpeace.org/2017/05/14/fragile-states-index-2017-factionaliza->

[tion-and-group-grievance-fuel-rise-in-instability/](#), дата обращения 25.08.2020.

Mitrova T., Melnikov Yu. (2019) *Energy Transition in Russia* // *Energy Transitions*, no 3, pp. 73–80. DOI: 10.1007/s41825-019-00016-8

National Security Strategy of the United States of America (2017) // *The White House*, December, 2017 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Overland I., Bazilian M., Uulu T.I., Vakulchuk R., Westphal K. (2019) *The GeGaLo Index: Geopolitical Gains and Losses after Energy Transition* // *Energy Strategy Reviews*, vol. 26, 100406. DOI: 10.1016/j.esr.2019.100406

The Global Competitiveness Report 2017–2018 (2017) // *World Economic Forum*, September 26, 2017 // <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2017-2018>, дата обращения 25.08.2020.

The Global Competitiveness Report 2019 (2019) // *World Economic Forum* // http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf, дата обращения 25.08.2020.

World Bank (1) (2020). *Doing Business 2020*. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1440-2

World Bank (2) (2020). *Global Economic Prospects*, June 2020. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1553-9

Worldwide Governance Indicators // *The World Bank* // <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports>, дата обращения 25.08.2020.

Zselyke Csaky (2020) *Nations in Transit 2020. Dropping the Democratic Façade* // *Freedom House* // <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/2020/dropping-democratic-facade>, дата обращения 25.08.2020.

Political Theory

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-1

The Post-Soviet State Systems' Resilience: An Outline of the Theoretical Model

Vladimir V. YAKUNIN

DSc in Politics, Head of the Public Policy Department, Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovsky Av., 27/4, Moscow,
Russian Federation

E-mail: gospolitika_msu@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0006-1252

Igor I. KUZNETSOV

DSc in Politics, Professor at the Department of History and Theory of Politics, Faculty
of Political Science

Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovsky Av., 27/4, Moscow,
Russian Federation

E-mail: politbum@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0274-8728

Maksim V. VILISOV

PhD in Politics, Deputy Head of the Public Policy Department, Faculty of Political
Science

Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovsky Av., 27/4, Moscow,
Russian Federation

E-mail: vilisov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-6634-3829

CITATION: Yakunin V.V., Kuznetsov I.I., Vilisov M.V. (2020) The Post-Soviet State Systems' Resilience: An Outline of the Theoretical Model. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 6–33 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-1

Received: 16.07.2020.

ABSTRACT. *An upcoming anniversary of the USSR dissolution raises the opportunity to overview the tendencies of the development of the state systems, emerged on its fragments. A retrospective view of this process, which has received various (sometimes contradictory) political and expert assessments, raises the main question – the viability and prospects of sustainable development of the former USSR countries.*

The shared past continues to have a significant impact through the Soviet legacy, making these countries difficult to analyze and raise questions about the effectiveness of common tools for assessing their resilience and stability.

The paper describes the application of the model of resilience and stability of the state systems, developed earlier in a co-authorship within the framework of joint re-

search. The estimates obtained make it possible to form the profile of some countries and determine the structural imbalances in the development of their state systems in terms of resilience and stability.

KEY WORDS: *resilience, stability, political order, statehood, stateness, state system*

References

- DHL Global Connectedness Index 2018. DHL, December 4, 2019. Available at: <https://www.dhl.com/global-en/home/insights-and-innovation/thought-leadership/case-studies/global-connectedness-index.html>, accessed 25.08.2020.
- Elster J., Offe C., Preuss U. (1998) *Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Erdman G., Engel U. (2007) Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept. *Commonwealth & Comparative Politics*, vol. 45, no 1, pp. 95–119. DOI: 10.1080/14662040601135813
- Fragile States Index 2019 (2019). *Fund for Peace*, April 10, 2019. Available at: <https://fundforpeace.org/2019/04/10/fragile-states-index-2019/>, accessed 25.08.2020.
- Fukuyama F. (2005) “Stateness” First. *Journal of Democracy*, vol. 16, no 1, pp. 84–88. DOI: 10.1353/jod.2005.0006
- Fukuyama F. (2007) *America at the Crossroads*, Moscow: AST (in Russian).
- Held D., MacGrew A., Goldblatt L., Perraton J. (2004) *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*, Moscow: Praksis (in Russian).
- Hogan M.J. (1998) *A Cross of Iron. Harry S. Truman and the Origins of the National Security State 1945–1954*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Huntington S. (2003) *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Huntington S. (2004) *Political Order in Changing Societies*, Moscow: Progress-Tra-ditsiya (in Russian).
- Ilyin M.V. (2008) Is It Possible to Create a Universal Typology of States? *Political Science (RU)*, no 4, pp. 7–33. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15120820_42454659.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Ilyin M., Khavenson T., Meleshkina E., Stukal D., Zharikova E. (2012) *Factors of Post-Socialist Stateness*. National Research University Higher School of Economics, Working paper WP BRP 03/PS/2012. Available at: <https://publications.hse.ru/en/preprints/58953142>, accessed 25.08.2020.
- Ilyin M.V., Meleshkina Ye.Yu., Melville A.Yu. (2010) Formation of the New States: Domestic and External Factors of Consolidation. *POLIS*, no 3, pp. 26–39. Available at: http://old.politstudies.ru/fulltext/free-access/2010/3/Ilyin,Meleshkina,Melville_3_10.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Index of Economic Freedom 2020 (2020). *Heritage Foundation*. Available at: <https://www.heritage.org/index/ranking>, accessed 25.08.2020.
- Jessop B. (2019) *The State: Past, Present, Future*, Moscow: Delo (in Russian).
- Kapustin B.G. (2001) The End of “Transitology”? (Reflecting on the First Post-Communist Decade as Subject of Theoretical Interpretation). *POLIS*, no 4, pp. 6–26. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078487_59115426.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Karl T.L., Shmitter F. (2004) Democratization: Concepts, Postulates, Hypotheses (Reflections on the Applicability of the Transitological Paradigm in the Study of post-Communist Transformations). *POLIS*, no 4, pp. 6–27 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2004.04.02
- Konoplyanik A.A. (2013) Global Oil Market Developments and Their Con-

sequences for Russia. *The Handbook of Global Energy Policy* (ed. Goldthau A.), Chichester, UK: Wiley, pp. 477–500. DOI: 10.1002/9781118326275.ch28

Kuznetsov I.I. (2000) Transitology Paradigm (Pros and Cons of the Explanatory Concepts of the Transition Period). *Social Sciences and Contemporary World*, no 5, pp. 46–51. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/103/352/1216/005kUZNE-COW.pdf>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Lokshin I. (2011) Political Regimes and Quality of State Functioning: Analysis of Interrelationship. *Politika*, no 4, pp. 74–92 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2011-63-4-74-92

Luong P.J., Weinthal E. (2001) Prelude to the Resource Curse. Explaining Oil and Gas Development Strategies in the Soviet Successor States and Beyond. *Comparative Political Studies*, vol. 34, no 4, pp. 367–399. DOI: 10.1177/0010414001034004002

Mann M. (1984) The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results. *European Journal of Sociology/Archives Européennes de Sociologie*, vol. 25, no 2, pp. 185–213. DOI: 10.1017/S0003975600004239

Melville A.Yu. (2020) “Out of the Ghetto”: On the Contribution of Post-Soviet/Russian Studies to Contemporary Political Science. *POLIS*, no 1, pp. 22–43 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.01.03

Messner J.J. (2017) Fragile States Index 2017. *Fund for Peace*, May 14, 2017. Available at: <https://fundforpeace.org/2017/05/14/fragile-states-index-2017-factionalization-and-group-grievance-fuel-rise-in-instability/>, accessed 25.08.2020.

Mitrova T., Melnikov Yu. (2019) Energy Transition in Russia. *Energy Transitions*, no 3, pp. 73–80. DOI: 10.1007/s41825-019-00016-8

National Security Strategy of the United States of America (2017). *The White House*, December, 2017. Available at:

<https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>, accessed 25.08.2020.

Nureev R.M., Latov Yu.V. (2009) *Russia and Europe: Path Dependence (The Experience of Institutional Analysis of the History of Economic Development)*, Kaliningrad: RGU im. I. Kanta (in Russian).

Overland I., Bazilian M., Uulu T.I., Vakulchuk R., Westphal K. (2019) The GeGaLo Index: Geopolitical Gains and Losses after Energy Transition. *Energy Strategy Reviews*, vol. 26, 100406. DOI: 10.1016/j.esr.2019.100406

Polterovich V.M. (1999) The Institutional Traps and Economic Reforms. *Economics and Mathematical Methods*, vol. 35, no 2, pp. 3–19. Available at: http://mathecon.cemi.rssi.ru/vm_polterovich/files/ep99001.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Ringen S. (2016) *The Nation of Devils: Democratic Leaders and the Problem of Obedience*, Moscow: Delo (in Russian).

Russia Economic Report No 43. Recession and Growth under the Shadow of a Pandemic (2020). *The World Bank*. Available at: <http://pubdocs.worldbank.org/en/483351593984893149/RUS-RER43-July5.pdf>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

The Global Competitiveness Report 2017–2018 (2017). *World Economic Forum*, September 26, 2017. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2017-2018>, accessed 25.08.2020.

The Global Competitiveness Report 2019 (2019). *World Economic Forum*. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitiveness-Report2019.pdf, accessed 25.08.2020.

Vardomsky L. (ed.) (2012) *New Independent States: Comparative Results of Social and Economic Development*, Moscow: Institute of Economy (in Russian).

Vilisov M.V. (2017) Political Strategies of Belarus, Kazakhstan and Russia: Problems of Formation and Practical Implementation.

Political Science (RU), Special Issue, pp. 41–62. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-strategii-belorussii-kazahstana-i-rossii-problemy-formirovaniya-i-prakticheskoy-realizatsii/viewer>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

VilISOV M.V., Telin K.O., Filimonov K.G. (2020) From Resilience to Stability: What Makes Good Public Administration. *Politika*, no 1(96), pp. 7–27 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27

World Bank (1) (2020). Doing Business 2020. Washington, DC: World Bank. DOI:10.1596/978-1-4648-1440-2

World Bank (2) (2020). Global Economic Prospects, June 2020. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1553-9

World Economic Situation and Prospects 2019: Executive Summary (2019). *United Nations*. Available at: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/мировое-экономическое-положение-и-пе-2/>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Worldwide Governance Indicators. *The World Bank*. Available at: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports>, accessed 25.08.2020.

Zselyke Csaky (2020) Nations in Transit 2020. Dropping the Democratic Façade. *Freedom House*. Available at: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/2020/dropping-democratic-facade>, accessed 25.08.2020.